

ДЖОЗЕФИНА

БЕЛЛ

Джозефина Белл (1897–1987, наст. имя Дорис Белл Болл), врач по специальности, писать детективы начала довольно поздно – и в основном для развлечения.

Однако первая же книга принесла ей широкую известность, а всего она написала 43 романа, вошедшие в «золотой фонд» английского детектива. Особой популярностью пользовалась серия ее книг с обаятельным и остроумным главным героем – доктором Дэвидом Уинtringемом, работавшим в Лондонском госпитале, а на досуге расследовавшим загадочные преступления.

ДЖОЗЕФИНА

БЕЛЛ

СМЕРТЬ
НА КАНИКУЛАХ

УБИЙСТВО
В БОЛЬНИЦЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б43

Серия «Золотой век английского детектива»

Josephine Bell

DEATH AT HALF TERN

DEATH AT THE MEDICAL BOARD

Перевод с английского *М. Левина*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора при содействии
литературных агентств Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC

Белл, Джозефина.

Б43 Смерть на каникулах. Убийство в больнице : [сборник] / Джозефина Белл ; [пер. с англ. М. Левина]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 512 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-086684-7

В театральных труппах всегда кипят нешуточные страсти. Однако жестокое убийство ведущего актера Фентона прямо в финале шекспировской «Двенадцатой ночи», которую представляли в элитном колледже перед началом каникул, — это уже слишком... Если учесть сложный характер убитого, под подозрением могут оказаться все его коллеги. Если учесть обстоятельства его женитьбы — нельзя сбрасывать со счетов и кое-кого из учителей колледжа. Такой клубок под силу распутать только доктору Уинтрингему...

На глазах у врачей армейской комиссии, проверяющих здоровье добровольцев, умирает молодая Урсула Фринтон. Следствие устанавливает, что ее отравили огромной дозой никотина. Но кто стоит за этим преступлением? Ее кузен, рассчитывающий на богатое наследство? Неудачливая соперница? Муж, с которым они втайне поженились буквально неделю назад? Или, может, в деле замешана группа диверсантов, о которой стало известно Урсуле?... Доктор Уинтрингем начинает расследование...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Josephine Bell, 1939, 1944

© Перевод. М. Левин, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-086684-7

СМЕРТЬ
НА КАНИКУЛАХ

ПЯТНИЦА

Глава 1

Мистер Ридсдейл взял парадный галстук, провел рукой по всей его длине, с растущим недовольством осмотрел растянутую ткань — и отбросил галстук в сторону.

— Джудит!

Голос прозвучал утомленно и несколько жалобно.

— Что такое, дорогой?

Жена появилась в дверях гардеробной, одной рукой держась за косяк, а другой застегивая ремень босоножки. По ее подчеркнuto терпеливому тону было ясно, что ее туалет уже почти завершен. Но не совсем.

— Этот галстук надевать нельзя. В середине торчит подкладка. Есть у меня другой?

— Думаю, да. Ты смотрел?

Естественно, он этого не делал. Мистер Ридсдейл неуверенно потянулся к шкафу, но отступил, пропуская Джудит к гардеробу и наблюдая за ее грациозными движениями, пока она перебирала его воротнички и носовые платки. На ней было парадное платье из плотного крепа, тускло-серо-зеленое, что выгодно оттеняло каштановые волосы. Платье с высоким воротником и длинными рукавами, достаточно строгое, чтобы жена директора колледжа могла появиться в нем на приеме для родителей учеников, но отлично сшитое и подчеркивающее ее все еще юную фигуру.

— Джилл слегка поправилась после своего интересного положения. Ей это к лицу, тебе не кажется?

Джудит повернулась, держа в руке новый черный галстук, надела ему на шею и стала завязывать.

— Это следует понимать как намек на мою костлявость, как ты ее обычно называешь?

— Нет. Мне ты нравишься такой, как есть, только не надо больше худеть. Я лишь хотел сказать, что Джилл теперь похожа на аллегория здоровья — а ведь ее младшему только полгода, если я правильно помню?

— Семь месяцев. И я не очень понимаю, с чем тут поздравлять, если она хорошо выглядит через семь месяцев после события. Было бы тревожно, если бы такого не случилось. Впрочем, Джилл всегда отличалась крепким здоровьем. В детстве она не перенесла и половины тех болезней, что пришлись на мою долю. Кроме того, она совершенно счастлива, обожает Дэвида и троих прекрасных детей. Когда ты так счастлива, как Джилл, тебе только и остается, что хорошо выглядеть.

Джудит отступила, чтобы полюбоваться своей работой, но муж удержал ее, положив руки на плечи.

— А сестра Джилл так же счастлива?

Она накрыла его руки своими.

— Конечно. У меня тоже очаровательный муж и очаровательные девочки, и, по словам Джилл, в пределах школьной ограды я — Персона с большой буквы. Быть Персоной мне нравится — почему бы и нет? Я не смеюсь над всем на свете, в том числе и над собой, как это свойственно Джилл.

— Не уверен, что она не переняла это у Дэвида.

— Нет, она всегда была такая. Он ее только поощряет.

Джудит Ридсдейл вернулась в свою комнату и встала перед зеркалом, надевая пару скромных сережек. И подумала, что сказала Чарльзу правду. Ей действительно приятно быть женой директора, и на это «приятно» она имеет право. Она полностью осознает свой тихий талант развлекать людей, свою приятную внешность и радуется той симпатии и уважению, которые неизменно вызывает у других. Джудит не самодовольна и не самовлюбленна. Напротив, она смиренно благодарна, что Чарльз ее отличил и дал столь подходящее ей положение. И если порой она с некоторой тоской осознает, что они никогда не достигали заоблачных вершин эмоциональных переживаний, то при этом трезво понимает: для ее ученого мужа и такой женщины, как она, больше подходят пологие склоны и ухоженные газоны.

Надев серьги, Джудит положила в сумочку чистый платок и вернулась в гардеробную. Бедный Чарльз! Ему предстоит напряженный уик-энд. Каникулы в середине семестра — трудное время для директора, и в летнем семестре оно труднее, чем в зимнем. А сейчас эта трудность усугублена вынужденным изменением программы. Мистер Торп — учитель, всегда умеющий выбрать классическое произведение для постановки силами школьников, — во время пасхальных каникул попал в руки хирурга из-за своего аппендикса и до конца летних каникул из них не вырвется. Следовательно, в самый последний момент пришлось искать нового учителя. А в последнюю неделю пасхальных каникул подходящие молодые люди не попадаются на каждом шагу. Либо они еще студенты и имеют на лето планы, либо уже успели озаботиться своим будущим. В конце концов удалось найти временного учителя через агент-

ство. Это был человек среднего возраста, мрачный и знающий. Семь лет он трудился временным учителем в частных школах по всей стране. Мистер Ридсдейл убедился, что с ним легко работать и очень трудно разговаривать, а Джудит почему-то почувствовала к нему жалость и в результате стала избегать. Если бы не празднование конца семестра, его недостатки были бы ему прощены. Но он, к общему негодованию, хотя и был нанят преподавать английский и историю, наотрез отказался продолжать постановку «Юлия Цезаря», начатую в весеннем семестре мистером Торпом. Поскольку другие учителя не соответствовали этой задаче, а родителей учеников в первый вечер каникул следовало развлечь любой ценой, школьную постановку пришлось отставить и пригласить труппу профессионалов, работающих исключительно по школам и колледжам, со спектаклем «Двенадцатая ночь».

Все это служило для Чарльза источником постоянных тревог и огорчений. Мистер Торп, которому ассистировали несколько других преподавателей и школьный воспитатель, приучил его не волноваться за пятничный вечер. А теперь в колледж вторглась посторонняя труппа, сцену перевернули вверх дном, гардеробные и школьный музей превратились в гримуборные — и все время возникают какие-то мелкие проблемы, с которыми обращаются к Чарльзу.

— Дорогая, ты готова?

— Вполне, Чарльз. Думаю, мне надо сойти вниз и принять огонь на себя. Джилл и Дэвид приедут минута в минуту, а еще Хью и Маргарет я сказала, что если они опоздают с ужином, мы их ждать не будем.

— И меня тоже не ждите. Я должен заглянуть в зал и посмотреть, как там справляются эти люди.

— Ты про компанию «Шекспир плейерз лимитед»? Я бы их не трогала. В конце концов, это их работа — приспособиться к любой сцене. К любой школьной сцене.

— Я знаю. Но они оставили себе не слишком много времени, прибыв так поздно.

Джудит взяла мужа под руку и повела к лестнице.

— Скажи спасибо, что они вообще приехали. Я бы не удивилась, если бы в последнюю минуту получила телеграмму, что сломался их фургон с декорациями и выступать они не могут. Ты ведь тоже такого ждал?

Чарльз Ридсдейл угрюмо кивнул:

— Надеюсь, их текст годится для нашей публики. У меня не было времени на него взглянуть. Так что лучше я найду, кто у них там сэр Тоби, и предупрежу его заранее.

Спустившись по лестнице, они разошлись в разные стороны: мистер Ридсдейл — к школьному залу, где стук молотков сообщал, что «Шекспир плейерз лтд.» лихорадочно готовят сцену, а миссис Ридсдейл — к своей гостиной, где следовало ожидать приезда гостей.

За обитой зеленым сукном дверью, отделяющей квартиры директора от школьных дортуаров, кипели разговоры и бурная деятельность. Ученики переодевались для вечернего мероприятия в свои итонские костюмы.

Мальчики, под впечатлением недавних событий дня, трещали без умолку, за важностью обсуждаемых тем забыв о зажатых в руках штанах, пока старшие по спальням не приводили их в чувство. Тогда они быстро просовывали в штанины худые или полные ноги и

натягивали брюки. Тощие исцарапанные коленки исчезали под полосатым узором, граница мытья рук на запястьях скрывалась гладкой черной материей, цыплячья шея оборачивалась безупречно белым полотном. Вместо банды растрепанных хулиганов в серых робах возникала группа юных джентльменов, даже самые неотесанные из которых приобретали сдержанное достоинство, неотразимое обаяние детства в ложной ауре ангелоподобной красоты.

Алистер Уинtringем ополоснул щетки в стоявшем на умывальнике кувшине с водой (одном на двоих с Брюсом Притчардом), стряхнул с них воду на наклонившегося Кокера-самого-младшего и стал расчесывать волосы. Кокер возмущенно пискнул, ощутив на шее холодные капли, но, сообразив, что запаздывает с одеванием, не стал отрываться от поисков пропавшей запонки.

— Застегивайся, а то опоздаешь, — предупредил его Алистер. — Твои сегодня приезжают, Кокер? Если что, у меня есть запасная запонка.

— Ох, спасибо. Да, наверное. На завтрашний матч они точно приедут, мой отец играет.

— Не будь идиотом, я знаю, что он играет. Он в прошлом году был капитаном у отцов.

— А твой отец играет, Уинtringем?

— Думаю, да. И он приезжает сегодня, вместе с дядей.

Брюс Притчард заинтересованно повернулся:

— Это который детектив?

— Ну, на самом деле он доктор. Детектив — это его хобби.

Вокруг Уинtringема собрались несколько мальчиков. Его дядя Дэвид всегда привлекал внимание.

— А с чего эта работа начинается? В смысле убийства случаются нечасто. В деревне, где я живу, не было ни одного.

— Многие убийства так и не раскрываются.

— Ты про то, что убийцу не находят или человек погибает, а выглядит так, будто это обыкновенная смерть?

— Если бы я захотел убить человека...

— Заткнись. Так откуда твой дядя берет дела, Уинtringем?

Алистер не знал, что на это ответить. Дело в том, что родители никогда не делились с ним подробностями приключений его дяди в криминальном мире. Поэтому ему приходилось отделяться общими фразами, но сейчас дядя Дэвид лично приезжал на праздник, и он чувствовал, что должен показать свою информированность.

— Обычно, думаю, он просто находит тело или что-то в этом роде. Я знаю, что однажды он нашел мертвеца на берегу, когда купался.

— Ух ты! Ничего себе встряска. А убийцу он нашел?

— О да. Это уж не сомневайтесь.

— Его повесили?

— Думаю, да. Кокер, шевелись! Ты всегда опаздываешь. До сих пор даже галстук не завязал.

Внизу зазвенел колокольчик. Захлопали двери, затопали ноги по половицам коридоров.

— Ну, я так и знал, что ты завошишься. Подойди сюда, я помогу. И чтобы ты до воскресенья сам научился! На неделе у тебя отлично получается.

Побагровевший Кокер-самый-младший, которому еще не было девяти, кивнул. Он хотел бы объяснить, что виноват жесткий итонский воротничок, из-за которого не завязывается черный галстук, но не посмел пререкаться со столь высокой властью — его старшим по спальне, префектом, входящим в Первые Одиннадцать. Поэтому он потер глаза тыльными сторонами ладоней и пошел вниз вслед за Уинtringемом. И вскоре оказался среди ровесников, болтая, толкаясь и смеясь с обычным энтузиазмом.

Актеры «Шекспир плейерз лтд.» привыкли к трудностям и неблагодарной работе. В ответ на жалобы репертуарных коллег на тесные гримуборные и устаревшую машинерию провинциальных театров они только невесело смеялись, вспоминая школы, где не было ни сцен, ни гримуборных, только выгороженное ширмами место за сценой. Ворчунам можно было напомнить, что им надо лишь играть, а вот актерам из «Шекспир плейерз лтд.» приходится иметь свой транспорт, монтировать собственные декорации, самим ставить свет и устраиваться в любой дыре, в любом углу, где их поселят. Кроме того, публика, для которой они играют, наверняка пропустит подлинные шутки, зато будет хотать в самые неожиданные моменты.

«Собачья жизнь, — подумал Роберт Фентон, устраивая зеркало на стекле одной из музейных экспозиций, по которому оно все время норовило скатиться. — Ну и сцена! Не так плохо, конечно, как во вчерашней школе для девочек, где был только один выход, и весь состав изображал из себя сардинок за ширмами по одну сторону сцены, но четыре скрипучие половицы — ну и сцена!

И вечер обещает быть жарким». Всегда бывает жарко, когда он играет сэра Тоби Белча и подкладывает толщинки в костюм для увеличения собственного размера. А как у него со старым добрым кровавым давлением? Вот как, кстати? Он всмотрелся в свое лицо, вспотевшее под тоном, хотя сейчас на нем ничего не было, кроме бриджей, чулок сэра Тоби и туфель с пряжками. Черт знает что за жизнь! Он мог бы начисто переиграть этих сопляков, затмить их, видит бог, и в том числе этого юного Гэша, который слишком много о себе понимает. Но ведь никому сейчас не нужна честная, настоящая игра — они ее называют «наигрыш»! А ему претит эта современная манера, которую Гэш именует «реализмом».

Он развернулся на табурете, высматривая предмет своей неприязни. Вот он тут, как обычно, оделся первым, привалился к стене, переговариваясь с Найджелом Трентом.

— Эй! Эй, ты! Эдуард! — позвал Фентон. — Раз уж ты готов, почему бы тебе не сделать что-нибудь полезное? Пойди и помоги Джорджу.

— Ему не нужна помощь, он почти закончил.

— Ты ходил и спрашивал, я полагаю?

— Ходил и спрашивал.

— Что-то я тебя не видел.

— Вполне возможно. Ты редко видишь что-нибудь, кроме того, что высматриваешь.

Гэш все так же стоял, прислонившись к стене и глядя на невероятно красивое лицо Найджела Трента, но в его голосе, хотя и спокойном, слышалась нотка высокомерного презрения, от которой Фентон вскочил на ноги, дрожа от ярости.